

Осторожно, триггеры: алкоголизм, психические заболевания, самоубийство, членовредительство, сексуальное насилие

оглавление

Пролог	9
Глава 1. Комнаты в огне	11
Глава 2. Девочки преследуют мальчиков	27
Глава 3. Большинство девушек	54
Глава 4. Мужчина на миллион долларов	69
Глава 5. Скажи мое имя	89
Глава 6. Адски хороша	117
Глава 7. Танцуй, танцуй, танцуй	129
Глава 8. Меня нельзя приручить	144
Глава 9. Париж горит	164
Глава 10. Современная девушка	180
Глава 11. Девушки просто хотят повеселиться	193
Глава 12. Если бы это было кино	210
Глава 13. Гламурно	229
Глава 14. Тайное место	258

Глава 15.. Зеленый свет.....	282
Глава 16. ...Малыш, еще разок.....	295
Глава 17. 21 качество, которое мне нужно в любовниках.....	315
Глава 18. Psychobabble.....	329
Глава 19. Королева школьного бала.....	348
Эпилог.....	364
Благодарности.....	367

пролог

Таймер обратного отсчета вот-вот должен был достичь нуля. Мое слишком ярко освещенное, вызывающе накрашенное лицо моргнуло на глазах у тысяч зрителей моего видеострима. Гигантский стационарный компьютер стоял на ковре, а я перед ним на коленях. Справа от меня был бокал вина, слева — Библия. Я блюла трезвость почти два года, но сейчас была пьяна. Позади меня с лубочной картинкой, заключенной в рамку, ослепительно улыбался Иисус. Свое красное одеяние он распахнул на груди, являя зрителю сердце, оплетенное терниями.

Я была обнажена. Ягодицы саднило от синяков и ожогов. Это был он — мой момент, великая художественная декларация. Интернет будет бросать мне чаевые за то, чтобы я убила себя. На самом деле умирать я не собиралась, но фишка не в этом. Они будут думать, что убивают меня. Но на самом деле убивать они будут Уну, мою онлайн-маску. Когда она умрет, Иза возродится.

За последние два года я заполучила в свой актив тысячи зрителей, тысячи подписчиков и сотни тысяч долларов. Я входила в топ-пятьдесят камгерлз на сайте, где работали десятки тысяч исполнительниц. Я получала все, чего хотела, раньше, чем понимала, что хочу этого: новенькую кварти-

ру, два автомобиля *BMW*, сколько угодно свежайших устриц и личную маникюршу, которая приезжала на дом.

Днем того дня я приняла обжигающе горячий душ. Сделала эпиляцию воском, поработала пинцетом и сняла ороговевшие слои кожи, пока она не начала гореть огнем. Составила на стеллаж у стены свечи: чайные, длинные, дешевые свечки из отдела распродаж *Target*¹, аромат которых рождал отдаленное воспоминание о Рождестве. Все лампочки в комнате светились красным. Повинуясь импульсу, я намалевала во всю стену надпись «СОВЕРШИ» красной губной помадой.

Это было мелодраматично. Лакомо. Сексуально.

Это шоу было отчасти предсмертной запиской, отчасти реквиемом по Уне, девушке, которую мои зрители узнали и полюбили.

Мои зрители были охвачены любопытством, нетерпением. Они засыпали чат вопросами. Теперь, когда я обнажилась, что дальше? Буду лить на тело расплавленный воск? Совать руки в огонь? Сожгу Библию?

Я снова посмотрела на слово «СОВЕРШИ». Все, ради чего я работала, вело к этому — моему последнему шоу. Я присела на корточки над дилдо, который прикрепила к центру креста, готовому протрахать мне путь к славе. Попыталась сосредоточиться. Мне было жарко, голова кружилась. Воздух был густ и душен от пота, боли и перспектив.

Уна была моим всем. Моим домом. Моей любовницей. Моим чувством цели. Она приносила мне деньги. Обеспечивала востребованность. Давала мне силу, надежду, принимала меня такой, какой я была. Уна была хранительницей моего позора, моей гордости. Она была рядом, когда мне было одиноко, грустно, скучно или требовался друг. Уна всегда была в одном клике от меня.

И я собиралась ее убить.

¹ Сеть американских бюджетных супермаркетов.

глава 1

КОМНАТЫ В ОГНЕ¹

— **М**ы хотим корову! Мы хотим корову! — Большая группа разгневанных учеников начальной школы маршировала, описывая широкий круг вдоль периметра детской площадки. — Мы хотим корову! — Крохотные кулачки взметались в воздух, требуя справедливости. Какова была их цель? Свобода от тирании директрисы, которая позволила выбрать на роль школьного талисмана только орла, дикого пса или лося.

Их метод: общешкольная забастовка в комплекте с плакатами и речевками.

Их лидер: худенькая восьмилетняя девочка с мегафоном и природной склонностью к политическому бунтарству — я.

— **МЫ ХОТИМ КОРОВУ!** — требовала я в мегафон, который добыла, подкупив свою приходящую няньку.

Уже тогда я знала, что мне на роду написано прославиться. Быть знаменитой активисткой или певицей. Знаменитой кем угодно. Мне необходимо было быть в центре внимания. Предпочтительно — чтобы все взоры потрясенно и благоговейно скрещивались на мне, пока я делаю не-

¹ *Rooms On Fire* — композиция Стиви Никс, американской певицы и автора песен.

что удивительное и неожиданное, например, выговариваю своим учителям за грамматические ошибки или убеждаю весь класс посреди урока математики побросать карандаши и с топотом устремиться на улицу, защищая свободу.

— Мы хотим корову! — скандировали мы.

Учительница вышла вслед за нами во двор, сопровождаемая несколькими учениками, которым поначалу было слишком страшно выйти из школы, но теперь, когда они увидели, как круто мы смотримся, тоже захотелось участвовать. Я вручила им плакаты, которые вместе со своей подружкой Эми нарисовала в туалете, воспользовавшись материалами, тайком экспропрированными из класса рисования.

— Мы хотим корову! Мы хотим корову!

Я прохаживалась туда-сюда вдоль линии марширующих учеников, призывая их кричать громче, топтать сильнее, махать плакатами как можно выше. Мы доходили до края детской площадки и заворачивали обратно к зданию, завершая полный круг по двору. Кучка учителей собралась у дверей, и физкультурница дула в свисток, безуспешно пытаясь привлечь наше внимание.

Взгляд моего друга Шона метнулся к тому месту, где стояли, скрестив руки на груди, учителя. Его плакат дрогнул.

— МЫ ХОТИМ КОРОВУ! — напомнила я ему. Запрыгнула на пень и воздела руки к небесам. — Это наша школа! У нас должно быть право выбирать свой талисман!

Толпа разразилась приветственными воплями. Я вторила ей.

Потом соскочила на землю и встала во главе шествия.

— Чего мы хотим?

— КОРОВУ!

— Когда мы ее хотим?

— ПРЯМО СЕЙЧАС!

— Чего мы хотим?..

Пока мы приближались к зданию, директриса выплыла во двор. Ее взгляд выцепил меня из толпы, и она быстро за-

шагала к нам, взмахом руки велев физкультурнице перестать измываться над свистком.

Она перекрыла нам путь своим телом.

— Что здесь происходит?

— Мы отказываемся возвращаться в класс, пока не будут удовлетворены наши требования, — сказала я своим самым взрослым тоном.

— Какие требования? Что *означает* корова?

— Вы знаете, что это *означает*, Добра! — Я скрестила руки на груди, подначивая ее бросить мне вызов.

Шон ахнул. Эми восторженно взвизгнула.

Добра знала, чего мы хотим. Мои четыре предварительные встречи с ней в ее кабинете вполне обрисовали нашу простую, разумную просьбу: избирательную урну для коровы, чтобы ученики могли подать голос за тот талисман, который действительно хотят. Дикае псы и орлы — это скучно. Коровы — круто. Корова была трендовым животным в среде пятого класса.

— Как ты меня назвала?

— Вы хотите встретиться, чтобы обсудить наши условия на переговорах? Наши требования невелики, Добра.

— Я не стану вести с тобой *переговоры*.

Я стояла на своем.

Она схватила меня за руку.

Я развернулась и выставила мегафон прямо ей в лицо.

— **МЫ ХОТИМ КОРОВУ!** — завопила я изо всех сил.

Она даже не поморщилась. — **МЫ ХОТИМ КОРОВУ!**

Она вырвала мегафон у меня из рук и сцапала за плечо, подталкивая к зданию.

— Не сдавайтесь! Не возвращайтесь! — орала я через плечо. — Чего мы хотим?!

— **КОРОВУ!**

Физкультурница распахнула дверь, и директор Добра втолкнула меня внутрь. Я ухватила за дверной косяк и снова высунула голову наружу.

— Когда мы ее хотим?!

— СЕЙ...

Их голоса заглушила тяжеленная дверь, захлопнувшаяся за нами. Учителя устремились вперед, чтобы разбить группу, которая продолжала прыгать и улюлюкать. Дебра повела меня по коридору, направляя в свой кабинет в передней части школы.

С горящим лицом, гордо задрав нос, я шествовала по коридору, как чертова мученица.

* * *

Сохранилось только одно фото со свадьбы моих родителей. На нем мама на седьмом месяце беременности мной, а папа в сером костюме. В их глазах уже проскакивают первые признаки паники. Мама утверждает, что никогда не думала об аборте, хотя всегда шутила, что ей следовало бы бросить меня на пожарной станции. Никто не знает, планировали ли они мою сестру Люси, но она подросла двумя с половиной годами позже.

Я родилась в Санта-Монике, штате Калифорния. Мои родители бросились «делать карьеру» в Голливуде в конце 80-х и провели годы, предшествовавшие моему рождению, работая помощниками на съемочных площадках и наскребая по карманам гроши на автобусные билеты. Мы жили в однокомнатной квартирке. Я спала на матрасе в кухне, она же гостиная, она же столовая, а моя сестра — в колыбельке рядом с родительской кроватью.

Мне было три года, и у родителей только-только начало получаться «делать карьеру», когда землетрясение и последовавший за ним лесной пожар разорили долину Сан-Фернандо. Мы едва не лишились дома, мама потеряла самообладание, и мы переехали в Боулдер, что в штате Колорадо. Это был городок, прославившийся либерализмом, букинистическими магазинами и наибольшим числом обладателей

докторских дипломов на душу населения — бастион мамочек-алкоголичек из пригородов, «белого превосходства» и брочек для йоги по девятисто долларов.

Вскоре после переезда мои родители начали делать деньги. Настоящие, реальные деньги. Мой папа, кинооператор, получал все больше и больше заказов на рекламу с участием знаменитых актеров, а мама, визажист и гример, находила клиентов-селебрити, имена которых можно было небрежно упоминать на вечеринках. Родители хотели, чтобы их новообретенный успех был отражен в нашем с сестрой детстве, идеальном, как картинка, — из тех, что с домами в уютных тупичках и поездками в школу на велосипеде. То, что мы жили в Боулдере, означало, что родителям (в основном папе) приходилось ездить по работе по всему свету, снимая рекламу, музыкальные клипы и тот веселый ролик про жвачку *Extra: Polar Ice*, который я любила цитировать на переменах.

Я была таким же богатым, белым, привилегированным, избалованным, откормленным гранолой ребенком, как и все остальные в Боулдере. У нас были деньги. **Если вас оскорбляет мой рассказ о том, в атмосфере каких денег я росла, можете успокоиться: все эти богатства испарились примерно к моим семнадцати годам, когда родители развелись.** Да, я росла с деньгами. Но это было «нормальное среднечассовое количество» денег, как любила уверять нас мама. Она напоминала нам, что у нас есть домработница, садовник и няньки, но, типа, они же не *живут* с нами, и все такое. У нас даже не было гостевого домика, а бассейн у всего нашего района был *общим*.

Сразу после переезда в Боулдер мы поселились в самом обычном доме на одну семью с жилым цокольным этажом и качелями во дворе. Но это было временное жилье, где мы обитали, пока родители покупали и ремонтировали намного больший и помпезный дом. В этом новом доме было целых пять этажей, зато на этаж приходилось всего по паре